

Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2014".

Виктор ВЛАДИМИРОВ, Долгопрудный (Россия)

1+1+1

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ РОМАНТИЗМА

Вновь у соседей наверху возня.
Стучат часы, как времени копыта. *
И, окружая, стерегут меня
предметы бытия, приметы быта.

Назойливо эмаль язвит вода,
над мойкою висит колчан тарелок,
открой и убедись — в никуда
ведёт любая из доступных дверок.

А в вентиляционном рукаве,
в лохмотьях пыли вязнет, неразборчив,
то ли о новых случаях в Москве,
то ли о старых поздний разговорчик.

Цветы на шторах, на вещах покой,
Шлепки шагов и кашля отголоски.
И то, что именуется луной,
пока здесь в виде тоненькой полоски.

Но с каждым вдохом в комнате ясней.
Сегодня полнолуние ночь венчает
и на стене посадит сад теней,
и ветер там, в саду, тот сад качает.

То шелестит затвержено листва,
то моего с тобою разговора
из глубины доносятся слова
и жаркое дыхание, которым

в полночной страсти стрелки сведены.
Но не смутить покоя сна земного.
И канет страсть в колодезь тишины,
где утоляют жажду ночь и слово.

И снова врозь. И время не ценя,
часы стучат, как времени копыта.
А всаднику — ему не до меня,
его лицо навек от глаз сокрыто.

** часы достались от бабушки с дедушкой.*

ЭЛЕГИЯ МЕДВЕЖЬЕГО УГЛА

В краю голодном вологодском
мои тянулись долго дни,
здесь даже наслажденьям плотским
предаться не с кем. Где они:
русалки, нимфы, феи, ведьмы?
В лесах то волки, то медведи.
Плодятся символы "Плейбоя",
два вечных зэка без конвоя,
пяток старух донашей эры,
и ни одной тебе гетеры
вокруг, во всём жилищном фонде.
Вот и пиши из Пиндемонти!
Ни божества, ни вдохновенья,
бессильны умопостроенья
извлечь наяду из пейзажа,
черна действительность, как сажа,
раз гений чистой красоты

не мнёт со мной в лугах цветы.
Любовный жар, любовный хмель —
всё там — за тридевять земель.
На тройке пламенных коней
не мчится Анна.

Дед Корней
с утра уже не вяжет лыка,
собаки хмуры, солнце дико,
коров нестройные ряды
влачат тянь-шанями хребты,
гниют венцы в моём чертоге,
туземцы пьют, поля убоги,
анаплевать взошло как плевел,
слепни, морошка, русский север,
деревня Вороново, лето,
медвежий угол края света.
Постится плоть, кустится терн.
Ни Пущина, ни Анны Керн.

* * *

Ну как там сказано? — Постой...
«Ты с книгою, я с вышиваньем...»
И мне не нужен голос твой:
я говорю с твоим молчаньем.

То скрипнет ветер низовой,
то шорох звёздного сиянья.
И слух мой, точно часовой,
на страже твоего дыханья.

* * *

Сижу и ставлю под стихами даты.
Шурша архивом. Ночью. Как сова.
Как будто так уж важно то, когда ты
сказал вот эти, а не те слова.
Рука, не дрогнув, может врать отважно.
Что спросится с тебя, листок бумажный,
за неимением улик,
когда ты желтым станешь, как старик?

Жизнь памяти реальна, хоть бесплотна.
Я датами загромождаю мозг,
как Иероним когда-то Босх
подробностями мук свои полотна.

И память – сон с открытыми глазами –
как образами, полнится слезами.

Но эта ложь классическая в рифме
лишь возвращает к датам, дням, часам,
когда готов был волю дать слезам,
но, как теперь, недоставало их мне.
Глаза сухи, как дно пустых колодцев,
и даты разбрелись в мозгу,
как овцы.
И что я сам?

Что делать мне?
Библейским пастухом
пасти их стадо, множить, ждать обмана...
года, как мелочь в дырочку кармана,
в прореху жизни, что зовут стихом,
текут под пересуды очевидцев.
Кого забыть? печалится о ком?
и, ставя даты, видеть
лица, лица...
сплошной их ком,
точнее – вереницу.

Ещё точнее: всё – слова, слова...
Стихами жизнь разрезана на строчки,
на прутике строки слова, как почки,
живут, и смысл в них зреет, как листва,
и обещает в будущем раскрыться,
чтоб вглядываться в завтрашние лица
смогли уже вчерашние слова.

[Страница автора в Сети](#)

